

Анна Манна / СРЫВЫ В
ПОСТМОДЕРН

/ повести /

Анна Манна

Срывы в постмодерн. Повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22073715

ISBN 9785448343346

Аннотация

Сейчас, пока он разговаривает со мной, я относительно спокойна: я пью зелёный кофе из абажура и стараюсь максимально вдыхать сигаретный дым с востока. Я очень люблю пассивное курение. А что любит он, когда я говорю, а он думает и почти не слушает? Что любит он? В чём его красота? Ах, какой чудесный аромат абажура...

Содержание

Жизнь после смерти изобретателя Сёмина	5
1. Ожидание	5
2. Смерть после жизни	15
3. В наших сердцах	19
4. Операция по удалению смерти	24
5. Миранда Отважная	31
6. Задумайтесь: скоро полдень	41
7. Узник донжона	46
8. Обратный путь	52
P.S. Выбор композиции. План «Б»	57
Изобретатель-2. В поисках апельсина	61
Вступление	61
1. Няма	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Срывы в постмодерн

Повести

Анна Манна

Дизайнер обложки Анна Манна

© Анна Манна, 2017

© Анна Манна, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-4334-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь после смерти изобретателя Сёмина

*Сказать человеку «Я тебя люблю», значит
сказать «Ты никогда не умрешь».*

Габриэль Марсель.

1. Ожидание

Местечко под названием «Место ожидания» располагалось на берегу Необъятного залива. Его нельзя назвать райским, но для тех, кто не был в раю, можно. С юга виднелись Южные горы, а с севера Северный лес. Воздуха не было, и та свежесть, что всё же ощущалась, была следствием тумана, который обволакивал всё вокруг нежной дымкой: и прибрежный песок, и долина, и силуэты гор, и полоска леса, всё было приглушено и забелено. Над водой кружили чайки: их полёт и крик означали что-то свободное, но одинокое.

К берегу прибило лодку. В ней спал человек в чёрном костюме тройке, галстук и серой рубашке. Он выглядел как раз на свои тридцать пять: худощавый, удлинённая стрижка, волосы тёмные прямые, на висках с проседью, благородный профиль и одна чёткая морщинка на лбу. Человек лежал съёжившись, и не очень-то вписывался в общую карти-

ну, будто кисти голландского живописца. На борт лодки села чайка. «А!» – сказала чайка. Человек зашевелился и, подняв голову, открыл глаза. Но тут же заслонил их рукой, хотя солнца не было: в этих краях не бывает слишком ярких объектов. Лодка тихо покачивала, а человек соображал. Он соображал очень медленно и смутно: при подобных пейзажах, наверное, трудно сопоставлять какие-то факты. Тем более если спешить некуда. То, что спешить некуда, было очевидно с самого начала: с самого названия главы ...или после удара по голове. Как можно выжить после такого удара по голове? Зачем бьют по голове? Где голова? Лодка покачивает, и чайка сказала «hi».

А. Солер – прекрасный юноша в белом хитоне и с длинными бронзовыми волосами сидел на прибрежном валуне и, прищулив один глаз, смотрел в рамку из собственных пальцев, как это делают художники, желая выбрать нужную композицию. Если посмотреть на выбранную ситуацию с другого ракурса, то всё выглядит несколько иначе. А с этого уже по-другому. А вот так – совсем ничего не разобрать. А если вы ещё и слепы, то, Боже, упаси! И почему-то кажется, что когда совсем ничего не видно, то можно делать всё, что угодно. Но это неправда: наступит время, когда вы прозреете и начнёте сожалеть о содеянном.

– Что я наделал?! – стонал лежащий в лодке человек. Со стороны это выглядело как приступ аппендицита.

Обесцветил... уничтожил... задушил... низверг... уто-

пил: когда перед ним прошла вся его жизнь, а чувство вины и тщетности стали основой его сущности, человек заметил, что теперь он абсолютно обнажён. Он кое-как вылез из лодки и неуверенно ступил на берег. Казалось, что каждый, кто сейчас встретится начнет его осуждать или скажет, что он голый. Человек посмотрел на себя и с благодарностью отметил, что он уже не наг, а одет в довольно приятные одежды из небелёного льна. Вокруг никого не было. Не зная, кого благодарить за оказанную милость, человек посмотрел на небо, но там тоже никого не было. Сделав несколько шагов вдоль берега, он остановился и стал вглядываться в водную гладь. Потом сел на песок и, от нечего делать, стал сгребать его, зачёрпывать, пересыпать с ладони на ладонь. Пересыпать, пересыпать...

Так можно просидеть долгое время, но время совсем не шло. Non-tik-tak. Пустота в действиях... и в реакции окружающей среды на эти действия... и в реакции на эту реакцию... Может, и не стоит о пустоте, но когда есть кто-то, кто до этого жил во временных рамках и вдруг оказался в тупике с видом на бесконечность, ему остаётся только пересыпать... пересыпать... пересыпать выразительные средства, тщетно пытаясь описать безвременье. Иногда на человека находили приступы отчаяния.

– Ну хоть кто-нибудь! – взмолился он на десятом приступе и вдруг услышал лёгкие шаги. По песчаному берегу к нему приближался старик в одеянии из грубых шкур. Его воло-

сы были длинны и седы, а борода несколько преувеличена. В руке старик держал посох, а с его плеча свисала сумка с торчащей из неё книгой и флейтой.

– Почему именно старик? Я имел в виду, скорее всего, питомца.

– Ты мог бы пожелать хоть черепашку, но это всё равно был бы я. Пойдем прогуляемся вдоль берега, – старик вглядывался в горизонт, но солнца всё не было.

– Я никуда не хожу. Я сижу здесь.

– Почему?

– Не знаю. Я ещё не обосновался. Мне не комфортно. Нет желания вот так разгуливать. Я хочу вернуться обратно. Может быть за мной сейчас придут, – человек говорил открыто и немного дерзковато, хотя его манере не было свойственно дерзить пожилым незнакомцам, просто он совершенно чётко ощущал, что знает этого старика всю жизнь, и что тот терпел от него и не такое. Тогда старик сказал:

– Ты уже тлеешь. Твое чрево едят черви, а на руках растут безобразные трупные пятна.

Человек взглянул на свои руки. Они были чистые и гладкие.

– Да не тут, – усмехнулся старик, – там! – он указал куда-то под землю.

– Мне всё равно.

– Как тебя зовут?

– Сэм, или что-то вроде того.

– Это хорошо, значительно лучше. А я – хранитель Солер.

Хранитель сел на песок и заиграл на флейте. От этой музыки Сэму стало немного легче, и он начал соображать более продуктивно.

А что если сбежать? Хотя, бежать было конечно незачем. Тем более бежать. Хотя, всё-таки можно сделать прогулку в горы, продолжительностью примерно в пять отчаяний, тем более, если бежать.

Охристая узкая тропка, казалось, появлялась прямо перед ступающими и потом тут же исчезала. Скорее всего этот путь можно проделать только один раз. Поэтому сзади наверное уже ничего нет, но оглядываться было как-то кощунственно. Попутчик временами пропадал, но Сэм вспоминал о нем только когда хотел что-то спросить, хотя напрасно – старик всё равно не отвечал.

– А что за горами?

– А кто ты по профессии?

– Я убийца.

– Ты преувеличиваешь. Здесь совесть всегда такая, – путники остановились и Солер достал из сумы мятый обрывок некролога, – «Изобретатель в сфере ментальных технологий. Создатель таких удивительных устройств как „рационализатор влюбленности“ и „эмоциональный приземлитель пубертатного периода“. Гений в борьбе с излишними чувствами и мечтами.»

– Я же говорю – убийца. А Миранда – она прекрасный

цветок! Как она была права. Мне нужно вернуться!

– Не волнуйся, цветы в твоём кабинете поливает Тама-ра Ильинична. – хранитель сорвал торчащую из камней былинку сухоцвета и протянул Сэму, – Это покуда туда никто не въехал, но скоро кабинет займёт Теремухин из 502-ого.

– Нет! Я предчувствую беду... Прошу тебя, слетай ко мне в офис и уничтожь программу. Там только одну кнопку «Del» нажать.

– Слетать могу, а нажать не могу. Я бесплотный.

«Бесплотный». Изобретатель впал в отчаяние от этого слова. В голове закружили какие-то формулы полупроводниковой динамики и обсыпались в лазерный грунт.

– Как я могу изменить что-то из того мира? К чему вся эта бесплотность и безвременье, когда надо торопиться и действовать!?

Повисающие вопросы добавляли ощущение тщетности.

– Это что такая пытка?! – Сэм выходил за рамки допустимого отчаяния. Он сел на землю и закрыл голову руками.

– Если ты дерзаешь на другую справедливость, то можешь перебраться через этот хребет Откровения, – хранитель указал на одну из гор. Он, возможно, мог сказать больше, но вся эта загадочность не от него зависела.

И Сэм полез. Взбираться на гору было странно и тяжело, словно отвергать приходящие в голову дурные мысли. Он поднялся только на несколько метров и почувствовал себя совсем плохо, но вдруг мысль о Миранде:

– Я лечу! Иван Романович, честное слово, лечу. Я не знаю как это, но мои ноги не чувствуют земли!

– Да отпусти ты уже бедного воздушного змея в небо. Это он должен летать, а ты только держать за верёвочку.

А чуть выше качели... эти сумасшедшие качели и охапки листьев и «кыш-кыш» на голубей... А мыльные пузыри и брызги фонтанов? – как можно быть таким ребёнком в двадцать пять лет! ... Или вернее, как можно быть таким стариком в тридцать пять?! И все эти изобретения когда-то казались делом всей жизни, а теперь, только улыбка Миранды что-то значила. И её восхитительно карие глаза и выющиеся каштановые волосы и ещё улыбка и ещё... Сэм взобрался на хребет.

С вершины открывалась ширь и синь неземного простора. Туман рассеялся и свежий-свежий воздух так удивительно заполнял пространство, словно присутствовал как личность. Сэм вдохнул полной грудью. Это было по-истине хорошо, но надо спускаться: по ту сторону ещё куча вопросов и, может быть, хоть какой-то ответ. Спускаться было значительно легче, хотя руки были истерты об камни: Сэм с какой-то новой благодарностью ощущал и боль и усталость. А все из-за того, что чувство бесконечного одиночества потихоньку сменялось тёплым присутствием: элементы природы, равно как и воздух, взаимодействовали с человеком. Почти у самого подножия в расщелине бил источник и словно шептал что-то манящее. Сэм припал к нему, чтобы утолить жажду.

Он всё бил и бил и вдруг сел на камень и схватился за голову: его осенило.

Это будет самое гениальное изобретение! Переселитель приказных импульсов – «потусторонний наухошептатель». Для этого потребуется какая-то высокочастотная основа вроде биполярного нейро-генератора... хотя, подойдет и то ментальное облако, – Сэм запустил в небо небольшой разряд молнии и поджарил на нём наиболее подходящие элементы. Он так и сидел у подножия горы и что-то складывал из камешков, попутно чиркая на земле закорючки формул. Вокруг все трепетало, и перешептывалось: и насекомые, и птицы, и травы, и камни оказывается такие любопытные. Наконец, всё было готово. Сэм стоял и держал в руках небольшой прибор, а сам он был в шляпе и развевающимся на ветру плаще. Загробный мир приобрел нового изобретателя Сэмюэла Ле Гранда.

Первый кто встретился по эту сторону горы, был опять-таки хранитель Солер. Он уже не выглядел таким старым и радостно встретил Сэмюэла, но вместо того чтобы дивиться новым открытиям в би-полярной сфере, суетился о другом:

– Сейчас ты пройдёшь мытарства, не стоит пугаться – обычная процедура переправы на другой берег, – Солер вёл своего подопечного к быстрой реке, – а дальше тебя определят в более подходящее место. Это уже навсегда, но там будет ещё один сюрприз, – он посмотрел куда-то глубоко

в небеса. – Надеюсь, ты понимаешь о чем я.

Похоже всё это было действительно важно, раз хранитель так волновался, раз всё уже решается, но у Сэмюэла была внутренняя уверенность в том, что он должен сделать не менее важное дело в том мире, а мытарства могут и подождать. Ещё никто не бывал столь своевольным в такой момент. Изобретатель смотрел на свой прибор:

– Это всё хорошо, но у меня есть кое-что, и я должен это попробовать. Это мой последний шанс сказать Миранде, ... что я её люблю.

Небольшая пауза: Солер делал внушительные жесты, указывая то на быстрый поток, то на приближающийся паром. Казалось бы все наглядно и доступно:

– Здесь не надо изобретать. Здесь просто проходят мытарства. Это место так и называется – «Место прохождения», – он развёл руками, пытаясь правильно сформировать пространство своего недовольства, – Может обойдемся без излишеств? С паромщиком я договарюсь, свой человек...

– Я так понимаю, паром часто ходит, – Сэмюэл поклонился и пошёл в свою сторону.

– Он дерзает на большее. Ох уж этот хребет Откровений, – вздохнул Солер и уселся на прибрежный камень. Он достал из сумы флейту и стал играть лёгкую структурированную мелодию, чтобы привести в порядок чувства и мысли. Хранители должны быть нейтральны, иначе они начинают невольно влиять на судьбу своих подопечных, а это, понятное дело,

запрещено.

2. Смерть после жизни

В прохладный ноябрьский полдень с Иваном Романовичем Сёминым случилось небольшое приключение с летальным исходом. С утра он прочитал лекцию о вреде и пользе своего последнего изобретения – «настройщика покоя»; после того неприятного случая, возможно, он нашёл шанс для его оправдания, хотя бы перед небольшой аудиторией третьекурсников; а возможно, он пытался этими убеждающими яркими речами облегчить груз своей совести, так или иначе, лица присутствующих, которые в начале его выступления были очень строги, к концу смотрели на него куда более благосклонно. Хоть кто-то теперь будет знать, что он не хотел плохого. Ведь это часто случается, что у терапии есть побочные эффекты, они не у всех проявляются, и их трудно прогнозировать. Да, он не хотел плохого, а только сделать жизнь людей, хотя бы чуточку легче. Выйдя из Института, он совсем уже приободрился, но тут другая неприятность – одна перчатка. С утра Сёмин не услышал звонок будильника, проснулся на час позже запланированного времени, и без завтрака, одеваясь на ходу, выронил перчатку, судя по всему в подъезде. Ничего, кто-нибудь из жильцов, заметит и положит на подоконник, а он, возвращаясь домой, заберёт. А сколько раз он сам так поступал, находя на лестнице перчатки, шарфы и шапки?

Сёмин стоял у развилки дорог: он планировал сегодня, съездить на почту и забрать бандероль, но теперь решил отложить на потом. С бандеролью лучше подождать, потому что это так неожиданно. Хотя скорее всего, это Мария Александровна со своими сюрпризами. Она вчера смотрела на него озорно и как бы исподлобья. Да, точно она. Это конечно очень мило, но надо обдумать все возможные варианты, знать наверняка. Все эти неожиданности – что ожидать от них? – каламбур. К тому же, слишком много дел в Типогоне. Сёмин решительно свернул в переулок. Да, эта лекция его определённо вдохновила, и если бы не пропавшая перчатка..., но зачем опять о ней? По дороге он хотел заглянуть в небольшой продовольственный магазин, чтобы купить выпечки для обеда. В буфете Типогона её тоже продавали, но он покупал пирожки именно в магазинчике Тёмного переулка и не собирался изменять своим привычкам. Очередь была небольшой, но из-за проблем с терминалом, ожидать Ивану Романовичу пришлось дольше, чем он рассчитывал. За ним стояли два каких-то беспокойных типа в костюмах неформалов, от которых ничего хорошего ждать не приходится: либо кошелёк вынут, либо заведут в ближайший закоулок и прирежут там, не ясно за что... А может быть – это жертвы «настройщика покоя», или их родственники или друзья. Как бы то ни было, но их озлобленные взгляды, он принял на свой счёт. Но уже в следующее мгновение Иван Романович отогнал от себя эту мысль, прикрепив к ней яр-

лычок «глупость». Обычные события должны обладать некоторой закономерностью, и человеку не стоит поддаваться смутным предчувствиям, тем более обладателю гениального ума и уравновешенной психики, и тем более изобретателю в сфере ментальных технологий. Но есть и другие события, и это печально.

Так случилось, что коллега Ивана Сёмина Афанасий Теремухин, проработавший с ним в одном научно-исследовательском центре на одном этаже 10 лет и, получавший значительно меньший оклад, и не имеющий на своем счету ни одного изобретения, стал случайным свидетелем частичного эпизода его смерти. Он как обычно обедал в закусочной, что напротив Тёмного переулка. Закусочная это имела несколько столиков с клетчатыми скатертями. На скатерти столика, за которым сидел Теремухин, красовалось аккуратное жёлтое пятно почти в самом центре. Передвинув солонку и загородив пятно, научный сотрудник заказал голубцы со сметанным соусом, и уже был готов отобедать, как вдруг заметил, что некий господин за соседним столиком вкушает жаркое из телятины. Теремухин любил голубцы, но этот господин, и его костюм вдруг показался таким элегантным: поедатель телятины, наверное был директором большой компании или даже группы компаний. Кое-как проглотив свое блюдо, Афанасий Юрьевич немедленно заказал жаркое и вот уже вскоре ел его с таким достойными видом, как самые элегантные господа, которые, как известно, вообще не обедают в подоб-

ных заведениях. Порядком объевшись, он как раз выходил из закуской, когда двое неуравновешенных молодых человека тащили бездыханного Сёмина по Тёмному переулку. Теремухин уже хотел было позвать на помощь, но то ли слеобеденная истома, то ли кабинет с про-сенситивным оборудованием не дали ему завершить задуманного, и импульс пропал где-то на задворках. «Но ведь Сёмин, наверное, уже мертв, к тому же я плохо вижу, и вообще мог смотреть в другую сторону или, скажем, чихать, – он достал салфетку и загородив ею всё лицо несколько раз для убедительности высморкался. Затем вытер ею свою вспотевшую совесть и посмотрел по сторонам. В переулке уже никого не было. Бросив салфетку в урну, он промахнулся: салфетка упала на землю, Теремухин тут же на неё наступил и пошёл, неприлично ступая с прилипшей к подошве бякой, – Да, я ничем не мог ему помочь.»

3. В наших сердцах

– Вот такое неудачное завершение... крушение планов и проектов... – совещание по случаю смерти легендарного Сёмина уважаемого всеми старшего научного сотрудника проходило вяло и уныло, и это было просто невозможно терпеть.

– Как вы можете так говорить? Это очень важная веха биографии! – перебила Теремухина Мария Александровна и вытерла рукой свои слегка влажные и невозможно карие глаза. Её волосы были растрепанны и выглядела она не совсем собранно. Афанасий Юрьевич оторопел:

– Как будто за этим последуют другие вехи... Какое тут может быть продолжение? Сёмин умер и, заметьте, никто из нас в этом не виноват, – он окинул зал недовольным взглядом. Несколько молодых сотрудниц во главе с сорокатрёхлетней Шкрябой Людмилой Леонидовной смотрели на него такого лысоватого и полноватого своими женскими глазами... И ещё эти слёзы...

– Он будет жить в наших сердцах! – не унималась Мария.

– Вы, Чуднова, конечно, умная девушка, но, как работнику науки, во взглядах надо быть более... менее чтоли... – Теремухин посмотрел на часы, – так, пора подвести итог. Мы хотели решить, кто теперь займет кабинет с просенсетивным оборудованием...

– Его наследие – вот его жизнь! – вступила вдруг Людмила Леонидовна. Сколько людей благодаря его открытиям могут жить спокойно. Вы понимаете, что чувствует мать, когда её дочь влюбляется в какого-нибудь рок музыканта или бродягу и готова сломать ради него свою жизнь, – она уклончиво посмотрела в окно, – матерям это, конечно, понятнее.

– А я думаю, что Иван Романович всегда хотел изобрести что-то совсем другое! – Мария трогательно улыбнулась, – Как вам сказать, ... я даже уверена, что его лучшее изобретение ещё впереди. Я верю в него!

– О нет! Давайте обойдемся без экзальтации. Пора бы уже оставить эти похоронные настроения и вернуться к привычному ритму работы. Люди приходят и уходят, а наука остается. Предлагаю на этом закончить наше заседание, и единогласно решить, что кабинет Сёмина переходит к вашему покорному слуге, ... а то эти разговоры... Если и дальше так пойдет, то Людмила Леонидовна начнёт писать стихи, – Теремухин завершительно захлопнул ежедневник, сделал глоток минеральной воды и, как обычно вытираясь салфеткой, покинул зал заседаний.

Женщины по-тихоньку расходились. В зале остались только Мария и Людмила Леонидовна. Они думали, естественно, о покойном Иване Романовиче, но каждая по-своему. В Типогоне не было принято говорить на душевные темы, но с приходом в центр Марии Александровны Чудновой всё могло измениться, она такая открытая и живая всегда

была рада даже мимолетным разговорам и смотрела на людей так, словно хотела что-то подарить.

– Людмила Леонидовна, о чём вы думаете?

Шкряба вздрогнула и заправила за ухо прядь волос.

– Я и правда что-то... Мне еще документы забирать. Сегодня после перерыва начало испытания, вы помните, надеюсь? – она стала собирать со стола свои бумаги в большую чёрную папку.

– А я об Иване Романовиче все думаю. Он такие вещи изобретал, как будто был очень несчастным человеком. И умер молодым. Так жалко. Надеюсь, сейчас он пребывает не в таком мраке. Знаете что, а давайте в память о нем изобретём что-то действительно стоящее и светлое?

– Что вы такое говорите, Мария?! Задача нашего центра помогать людям. А вас послушать, чем мы здесь занимаемся? – Шкряба возмущённо хлопала своими длинными густо накрашенными ресницами, хотя в глубине души она была согласна с Марией, просто Типогон для неё был чем-то непогрешимым и непреложным, и вся его деятельность после развода с мужем стала смыслом её жизни.

– Да, пожалуй. Это на меня просто грусть нашла. Хотелось поговорить с кем-то. Простите. – Мария с трудом улыбнулась.

– Увидимся на испытаниях.

Дверь захлопнулась, и Чуднова осталась одна. Она всё сидела и думала: то, что было у них с Иваном Романовичем

не входило ни в какие рамки отношений. Он старше её, всегда такой угрюмый и скептический, чем-то всё же привлекал юную и жизнерадостную Марию. И она была просто уверена, что это именно тот человек, которого она готова любить всю жизнь. Интересно, а что думал он? По вечерам, после работы они иногда гуляли вместе: Мария всегда придумывала повод, чтобы пригласить его пройтись по парку, а он всегда делал вид, что ищет повод отказать, но не находит. Все это было на первый взгляд однообразно и бесперспективно...

– Зови меня – Миранда. Это мой персонаж.

– Нет. Это глупо.

– Знаешь, Миранда – такая фантазерка и скорее всего дочь короля, но не принцесса. Хочешь знать почему?

– Нет.

– Потому что как раз в день своего совершеннолетия, она сбежала из дворца и отправилась в плавание со знаменитым изобретателем Сэмюэлом Ле Грандом. Миранда была тайно влюблена в него, и когда ему пришлось покинуть королевство, решила следовать за ним. Вот она бежит к пристани в таком голубом платье, а он стоит на палубе, и морской ветер раздувает его плащ. На корабле она скорее всего признается ему в любви. Интересно, что он на это ответит... И вот, корабль отчалил от берега удаляя от них земную закономерность и неся их на встречу странной судьбе...

Мария вытерла слезы. За окном виднелись крыши домов, чуть припорошенные снегом, и прохожие куда-то спе-

шашие... А если совсем мысленно втянуться, то Типогон. Как это ни странно, Чуднова любила свою работу и всех этих людей, жужжащих и бурлящих в кабинетах, и струящихся по серым коридорам, после вечерней смены. Она наверняка себе что-то фантазировала, придумывала какой-то сказочный мир, и тогда всё преображалось, потому что иначе, извините, просто невозможно жить! И какой же образ можно придумать, когда находишься во власти тоски и живешь через силу? Мария откинулась на спинку стула и закрыла глаза: «Ну что ж: испытания, так испытания», – прошептала она и, приведя мысли в порядок, вышла из зала и направилась в лабораторию.

4. Операция по удалению смерти

В это время Теремухин, как обычно, пообедав в закускойной, направился в Типогон. Ничего не подозревая он заглянул в ларек, купил бутылку минеральной воды и, окинув беглым взглядом прочие земные радости, двинулся далее.

(Почему именно Теремухин? Мне он никогда не нравился.)

Войдя в здание научно-исследовательского центра ничем несимпатичный Афанасий Юрьевич посмотрел на часы и, обнаружив, что до начала испытания ещё есть несколько минут, ощутил в себе непреодолимое желание зайти в кабинет к покойному Ивану Романовичу и покрутиться во вращающемся кресле. Он не знал, что им руководит чья-то невидимая десница и просто ощущал себя несколько приподнято. Поднимаясь в лифте, он почему-то сказал Людмиле Леонидовне «доброго вам дня» и, достигнув наконец кабинета, вошёл в него и остановился перед компьютером. И теперь самое простое: зайти в засекреченную семью паролями последнюю версию Баланса и нажать кнопку самоликвидации программы. Но не тут-то было. В кабинет, неловко постучавшись, заглянула Людмила Леонидовна:

– Афанасий Юрьевич, я вас, наверное, не так поняла. Вы мне что-то сказали, а я думала, что не мне, т.е. я имела в виду, что конечно не мне, а я подумала... – она вытащила и за-

сунула обратно за ухо прядь волос, – вот я и решила... , и эта чёлка непослушная, простите, у меня очки запотели.

– Ну что вы, Леонелла! Заходите. Я думаю, мы могли бы выпить по бокалу вина, – удивился своей находчивости Теремухин, обычно он сторонился женщин и не планировал никаких отношений даже в своих самых потаённых мечтах. И назвать Людмилу Леонидовну Леонеллой было для него равносильно тому, чтобы явиться на научное заседание в одних семейных трусах с красными сердечками.

– Хотя сейчас, конечно, не время, – осекся шептатель, – Вот только разберёмся с программкой. Сейчас-сейчас: 288361 baku.

– Вы меня пугаете, Афанасий Юрьевич,... но я не боюсь.

– 3322wz... я не могу сосредоточиться... ваши потные очки и эта программа... – Теремухин сделал ещё одну попытку сосредоточиться, но с такой женщиной, это было просто невозможно.

– Вы учтите, я слишком одинокая дама и не понимаю азбуку морзе. – Шкряба решительно взяла Теремухина за руку и усадила на диван. Его податливость и сюрреальность во взгляде просто поразили её. Теремухин продолжал преобразаться:

– Вы мне всегда нравились, Леонелла, но меня пугала ваша фамилия. Я в своих мечтах пытался изменить её, но получалось только хуже, – бормотал Афанасий Юрьевич, незаметно для себя накручивая на палец прядь волос сорокатрёх-

летней, но все ещё такой привлекательной Людмилы Леонидовны.

Где-то в разгаре третьего завитка раздался сигнал, оповещающий о начале испытания «возрастного баланса».

– Не успел! – выпалил вдруг Теремухин. Миранда! Все пропало!

– Я Леонелла, кажется, ... но продолжайте, прошу вас!

Теремухин выскочил из кабинета и помчался по километровому коридору. Лаборатория сразу за поворотом. На пороге он наткнулся на выбегавшего лаборанта:

– Афанасий Юрьевич, у нас проблемы, – закричал тот, – перегрузка, аппарат не справляется!

Машина явно выходила из строя: провода плавились, а экранный локализатор метал искры. Мария Чуднова лежала на горизонтальном стеллоформаторе: её запястья и голова были прикованы этими ужасными датчиками, такая невинная и незащитная. Теремухин упал на колени и разрыдался.

– Отключить! Немедленно отключить!

Все присутствующие не то от компьютерного фейерверка, не то от странного вида Афанасия Юрьевича впали в ступор и только моргали глазами. Наконец одна новенькая сотрудница дёрнула рубильник. Теремухин подполз к Марии Александровне и взял её за руку. Она была без сознания и едва дышала.

– Обычно испытания нормально проходили, – стали разводить руками лаборанты, – Вообще не понятно, почему она

вызвалась. Мы на своих-то опыты не ставим...

– Что здесь происходит? – в лабораторию вошла Людмила Леонидовна. – Чуднова?! Боже мой! Что с ней?! Скорее врача!

Все забегали и закричали «скорее врача». По коридорам ещё долго мелькали белые халаты, слышались крики и стук каблуков. Стало ясно, что Типогон ещё не скоро вернётся к привычному ритму работы, скажем даже – уже никогда.

----->

Летающие до солнечного сплетения в открытом пространстве: здесь место для всего, и в рамках мечты можешь не сомневаться, но я не всегдашняя, ты понимаешь, настанет болезненная пустота, как после Нового Года, и ты думаешь, что готов? Почему Новый Год? Да, действительно, всё те же шаррики, и ты смотришь в отражение выпучив глаза, а я тащу тебя за рукав – мне холодно, мне всегда холодно возле праздников, и ты идешь со мной: я знаю, ради меня ещё и не это. Ничего себе: у нас дома камин! и весь этот простор с многоэтажностью детства. Я рад, что ты заметила все эти мягкие вещи и вогнутые для безопасности углы темпераментов. Такого не бывает! Не бывает, но может быть, нельзя исключать всего, чего не пробовала – я думал, это ты меня учила. А я думаю, это ты изобрёл.

(Панорамная пауза)

Тебе удобно? Да, это самое лучшее кресло на свете. И камин... и можно ещё что-то общее, ведь всегда можно най-

ти что-то общее и разглядывать, как фотографии в альбоме, но сейчас важнее другое – надо подняться по вертикали, осваивать верхние этажи. Хорошо. Только осторожно, не оступись: эта лестница такая неуравновешенная. А мы не слишком высоко зашли? Сейчас нельзя сомневаться, а то ты никогда не узнаешь, и потом тебе будет не из-за чего сказать «после всего того, что между нами было...». Вот это высота! Мороз, но не холодно, а только пощипывает чувства. А что делать дальше, в какую сторону идти? Наверное, надо почувствовать. Я не чувствую. Тогда пока стоим. Не волнуйся. Я не волнуюсь. Если ты захочешь апельсин, я что-нибудь придумаю. Договорились. Ты улыбаешься? Я смотрю на тебя, и не могу насмотреться, это называется счастье: когда имеешь всё в одном взгляде, когда понимаешь, наконец, что больше никуда не надо идти – одно такое мгновение должно перевесить всё дальнейшее. Знаю, нам это не пригодится, но что могло бы быть дальше, после всех этих чувств и апельсинов – когда кончается романтика, когда надо начинать просто жить? Дальше пойдут сомнения, и захочется доказательств, особенно когда всё наоборот, но если где-то в глубине есть маленький огонёк, нужно приложить все силы к тому, чтобы он не потух – в этом заключается искусство любить: не забывать того, что между нами было. Ты говоришь слишком просто, чтобы заполнить всё это пространство. Ты словно говоришь: «люби, потому что любишь». Кто станет это слушать, когда дует морской ветер, и ждёт корабль

на поднятых парусах? Не говори так – я знаю, что это значит, я тебя прошу, только не паруса! Да как ты можешь мне запретить, что у тебя с головой? Что у меня с головой? В ней дыра для потока гениальных идей. Я изобрету антикорабельный держатель или пояс домашней верности. Миранда, пойми, ты должна остаться здесь. Я смогу приходить к тебе, как только захочешь, я всегда буду... Нет, ты меня совсем не слушаешь! ты уже на корабле, и у тебя всё это так хорошо получается: эти молниеносности передвижения и твоё голубое платье... как будто тебя уже ничто не держит...

– Да, мы плывём, и я этому очень рада!

Миранда сидела в кресле у штурвала и смотрела на звёзды.

– Интересно, какое это созвездие?

Конечно, Миранда – дочь короля Ультриха VII Великолепного со временем могла бы стать королевой. Но жизнь при дворе была смертельно скучной. Она украдкой посмотрела на Сэмюэла, стоящего у штурвала. А изобретатель и путешественник Сэмюэль Ле Гранд излучал столько таинственности, храбрости и учтивости, что поговорив с ним на балу, невозможно было в него не влюбиться. Что о нём знали? Только то, что у него был корабль, названный в честь великого гения Леонарда Да Винчи. На корабле не было матросов, но он распускал паруса и кидал якорь в разных местах света, а его капитан предлагал ценителям дорогие и экзотичные товары: слёзы дракона, коготь мантикоры, корону

короля гномов, меч Грааля, щит короля Артура и много чего другого столь же интересного... интересного...

Корабль покачивало на волнах, веки принцессы потихоньку закрывались, и она уснула.

5. Миранда Отважная

Наутро Миранда проснулась от ароматного запаха кофе, она открыла глаза и увидела своего Сэмюэля, а так же омлет и салат из листьев каллиостры с томатами. Она находилась в довольно просторной каюте явно высшего класса: дорогие ткани и дерево интерьера, заморские сувениры и трофеи, загадочные истории хранили книги и вещи вокруг. Миранда встала и потянулась, после чего поймала себя на мысли, что Миранда Анна София Уолрехт-Кларентийская себе такого при постороннем человеке, наверное, позволить не может. Как должна вести себя принцесса, и какой, интересно, сейчас век? Сказав «пардон», она уселась за стол, принялась завтракать и листать огромную книгу «История Берлианского королевства». В разделе «Королевская династия» она нашла гравюру, изображавшую её саму с попугайчиком в руках. Под заголовком «Принцесса Миранда Анна София Уолрехт-Кларентийская» была небольшая справка о её увлечениях, знаниях, дате и месте рождения, известных учителях и... «Я больше не принцесса», – сказала себе Миранда, – «с этого момента и навсегда, я – искательница приключений и сокровищ Миранда Отважная». Вот так. А во дворце Ультриха VII Великолепного был большой переполох – слуги, стража, фрейлины и сам король с королевой искали свою дочь. Но Миранда Анна София Уолрехт-Кларентийская, ко-

торая ещё вчера кружилась на балах и улыбалась скучным шуткам придворных, перестала существовать, уступив место мореплавательнице Миранде Отважной.

Вот такие они бывшие принцессы, и Сэмюэл немного волновался и чувствовал себя очень скованно. Он долго озабоченно смотрел на море, потом взял с полки карту и, устроившись на табурете у окна, принялся её изучать. На капитане был белый камзол, сверху аби, такого же чёрного цвета, как кюлоты, штаны до колен, белые чулки и тёмные лакированные туфли – сверила Миранда описание одежды дворянина из своей книги. Да, он вполне бы сошёл за дворянина, если бы его голову украшал парик. Миранда ткнула пальчиком в картинку и элегантно положила в рот ломтик томата. Но никакого парика не было и в помине, а волосы выражали даже некоторую растрепанность.

– Мы поплывём на остров Железного рыцаря, это мой друг, и ты рано или поздно должна с ним познакомиться – наконец изрек Сэмюэл.

– А я думала, что ты так и будешь молчать и подглядывать за мной в свою подзорную трубу. – Миранда хотела быть милой, но после такого затянутого молчания выходили какие-то капризные образы, – К тому же, наверняка, не такой уж он и железный. Лучше я выберу маршрут. – она выхватила карту из рук капитана и решительно открыв рот, стала пытаться прочесть на ней хоть какое-то название. Но капитан был непреклонен.

– О смене маршрута не может быть и речи. Мы приглашены. Это кодекс чести. – Сэмюэл не знал как реагировать на подобное дамское поведение, а ведь путешествие только начинается. Пожалуй, всё время говорить «не может быть и речи», не очень годилось, хорошо что в запасе есть ещё разные кодексы. Он положил в открытый рот Миранды очередной ломтик томата, аккуратно взял карту из её рук, свернув, положил на полку и вышел из каюты. В дверной проём Миранда увидела, как ветер решительно взметнул пряди его волос. И это было очень убедительно.

К полудню корабль прибыл к острову Морт-Венюс.

– Мы высаживаемся на берег! – вдруг громко крикнул капитан. И тут же откуда-то сверху на его плечо слетел большой зелёный попугай.

– Мистер Карфаген, – представился попугай, с любопытством разглядывая Миранду. – Да, говорящий. И, кроме того, это я управляю кораблем. А ещё я...

– Ужасный хвостун, – заметил капитан.

Попугай обиженно закряхтел и ткнул клювом какую-то кнопку на борту, и на воду съехала шлюпка. Путешественники спустились на неё по верёвочной лестнице и поплыли к берегу. Миранда смотрела на отдаляющийся Да Винчи и поражалась его величию. И зачем, интересно, иметь такой большой галеон, если путешествуешь только вдвоём? На нём несколько сотен человек уместятся. Ведь шхуны бы вполне хватило. Это должно было охарактеризовать капита-

на с определённой стороны. Уловив мысли Миранды, Сэмюэл поведал ей, что корабль выбирал боцман. На самом деле мистер Карфаген хотел ещё более крупный галеон. Не с тремя мачтами, а с пятью, и не двухпалубный, а до безобразия многопалубный.

– Я не собираюсь плавать на бочке вроде этой, – попугай махнул крылом в сторону другого корабля, который проплывал неподалёку и был почти таких же внушительных размеров, что и их. Миранда улыбаясь смотрела на попугая. Он казался ей удивительно милым, несмотря на свою заносчивость. Девушка подмигнула ему, и тот довольно расправил крылья.

У берега Сэмюэл прыгнул в воду и затащил шлюпку на песок.

– Не лучше было бы одеть ботфорты, – сказала Миранда, глядя на его мокрые чулки.

– Особый шёлк с Яванских островов, высохнет за пять минут, – ответил капитан.

Путешественники отправились в глубь острова, продираясь сквозь джунгли. Миранда от любопытства всё время озиралась по сторонам и сильно отстала. Вскоре она заблудилась и, усевшись на пенёк, стала есть сорванный тут же банан. Капитан долго бродил вокруг и аукал, Миранда слышала это, но не могла ответить ему т.к. её рот был набит необычайно вкусной мякотью. Когда же её наконец нашли, она заявила, что хочет взобраться на самый высокий баобаб

и, сняв туфли, полезла на какое-то дерево. Лезла она очень умело, но Сэмюэл всё-равно боялся, что она сорвётся и упадёт. Он сидел на пеньке и беспокойно теревил бантик на её туфельке. Не прошло и нескольких минут, как Миранда начала кричать от куда-то из густой листвы, что она боится и не может сама слезть. В глазах Сэмюэла это выглядело как возмутительный каприз, но девушке просто хотелось заботы и близости. Она замирала от восторга, когда капитан поднялся наверх и снимал её, обхватив за талию. Потом Миранда угодила ногой в анакондову нору и кажется потянула связки. Сэмюэл собственноручно ощупывал её лодыжку и делал массаж. А после того как она нырнула в зловещий репейник, долго вычёсывал из её волос колючки черепаховым гребешком.

Джунгли так и кишели подобными сюрпризами, но вот уже через полчаса лесополоса кончилась, и перед путниками открылся степной простор и холмики вдали. На открытом пространстве становится по-особому видно человека, который был всегда рядом, под боком и не было возможности взглянуть на него со стороны. Миранда была так прекрасна в том, как она шла по высокой траве, словно прорывая пространство, шепча что-то одними губами и улыбаясь от озорства своих слов. В минуты созерцания бывает, что даешь сердцу лишнее. Сэмюэл поспешил сосредоточиться на дороге:

– До места ещё далеко, – он указал на холмы, – предлагаю

ехать верхом.

Миранда давно заприметила стадо диких скакунов, пасшееся неподалеку. И не могла поверить, что им посчастливится оседлать пару лошадей. Семюэл достал из походной сумки сёдла и с легкостью снарядил лошадей. Преодолев степной путь верхом, путники наконец, добрались до места. Перед ними показался замок в средневековом стиле, с возвышающимся над стенами донжоном. Это и были владения Железного рыцаря. Собственно говоря, о нём мало что известно. Таинственный и величественный он заперся здесь в столь безлюдном месте, и вёл отшельническую жизнь, странно, что у него вообще были друзья.

Когда путешественники подошли к воротам замка, те неожиданно сами распахнулись. Оказавшись в прекрасном саду с диковинными, таинственными растениями и бронзовым фонтаном, они двинулись по усыпанной жемчужным гравием дорожке. Миранде было довольно трудно передвигаться: её каблучки увязали в жемчуге, и походка была не совсем элегантной. Но она не расстраивалась, потому что аромат цветов дарил самое прекрасное настроение. У самого входа Миранда ещё раз вдохнула волшебное благоухание: если замок такой дивный снаружи, то какого изыскано должно быть его внутреннее убранство. Раздвижные двери разъехались, гости вошли в темноту и остановились в ожидании дальнейшей механизации гостеприимства. И вот вдоль длинного коридора стали загораться маленькие сигнальные

фонарики, очевидно, обозначая направление. Коридоры всё поворачивали, лампочки всё мигали – это было волшебно, но слишком затянуто. Долго блуждая по замку, и уже порядком устав, все присели на каменный пол. Миранда начала ворчать и капризничать, так как в таких условиях у женщин часто бывает смена настроения. Растерянный Карфаген достал из походной сумки Сэмюэла сухофрукты и орешки, но она ничего не хотела и только обиженно выпячивала нижнюю губу:

– Мне кажется, наш визит не похож на дружеский. Вотнисколько не удивлюсь, если мы давно уже пленники, – сказала она и слегка пнула каменную стену своей ножкой в белой лаковой туфельке. В ответ на это погасли фонарики.

– Вся эта женская логика так далека от средневековой романтики, – думал Сэмюэл, пытаясь отыскать в походной сумке огниво, – не лучше ли было в таком случае путешествовать вдвоем с моим старым добрым другом Карфагеном, а не слушать все эти безосновательные упрёки.

Когда огонь был извлечён, и Карфаген запалил факел, всем ничего не оставалось делать, как сидеть и недовольно смотреть друг на друга с контрастно оттенёнными лицами. Сэмюэл решил отвлечься и изобрести что-нибудь полезное из подручных средств. Скоро ореховый металлоискатель был готов, и с его помощью наши герои добрались, наконец до зала, двери которого были открыты, и от туда доносилась органная музыка. Они вошли в тёмное помещение,

кое-где оживляемое свечами, и увидели круглый стол, за которым сидел... в лучшем случае какой-то замшелый господин, но скорее всего мумия. В руках господин держал гнилую палку. Его осанка не оставляла сомнений, что этот некогда доблестный держатель копья был мёртв.

– Кажется, мы опоздали... Не хорошо-с... – нарушив общие мрачные мысли, произнес Карфаген.

Миранда стала активно озираться и пытаться рассмотреть карты и пергаменты, висевшие по стенам: западное полушарие земли... правое полушарие головного мозга... акупунктура собаки Павлова...

Наконец, она посмотрела направо откуда доносилась музыка. В углу зала кто-то играл на органе. Тёмная фигура зловеще трепыхалась над инструментом в пламенном движении свечей.

– Мне страшно, – прошептала Миранда и взяла капитана за руку.

– Скажи, что ты хочешь домой. Умоляю, скажи, что ты хочешь домой, – бормотал Карфаген.

Но как она может сказать, что хочет домой, если сам Сэмюэл Ле Гранд держит её за руку! Может это как раз тот момент, когда можно прижаться к нему и дать почувствовать удары своего сердца. Но капитан вдруг отстранился и во всех своих дальнейших действиях был словно неадекватен. Он сел за стол рядом с мумией, взял в руки какие-то карточки и стал перебирать их, уставившись при этом куда-то

в темноту. Вскоре музыка прекратилась, а исполнитель подошёл к столу. Теперь его можно было хорошо разглядеть. Это был он – Железный рыцарь: кованые потемневшие доспехи, шлем с закрытым забралом и чёрный атласный плащ. Он сел за стол напротив капитана и они стали говорить, не обращая никакого внимания на остальных. Их речи были полны той возвышенной учёности, которая достигая некоторого предела понимания...

– Может не в тему, конечно, но я хотела спросить..., – начала Миранда. – Вот этот господин справа, он что у... Т.е. я лучше спрошу, а что удобно играть на органе в столь негигроскопичном снаряжении? Может хоть головной убор снимите здесь дама, всё-таки...

Рыцарь грозно зарычал и двинул железной ногой каменную вазу на полу. Попугай от страха взлетел к потолку, а Миранда попятилась к стене и упершись в неё, оглянулась: там была карта звёздного неба.

– Какое же это созвездие? – снова подумала она, – хотя, какое бы не было!

И вдруг решительно подошла к столу, вытащила из руки усопшего господина гнилую палку и что было силы ударила ею по голове Железного рыцаря. Шлем свалился с его плеч, головы под ним не было.

Раздался звонок.

– Это твоё созвездие? Наверное, я не должна его знать... – Миранда оторвала взгляд от звёзд и повернула голову в сто-

рону Сэмюэла, который сидел возле неё на прохладной траве.

– Почему у тебя звонит телефон? Сейчас XVII век, – ответил он и исчез.

– Я просто задумалась... Скоро полдень.

6. Задумайтесь: скоро полдень

Суд был назначен на полдень. В зале столько народу и роль... Подумать страшно: именитые бароны и адмиралы с плохо скрываемыми лицами санитаров, принципиальные гувернантки с театральными биноклями в руках, в целом положительная бригада маляров,... но каких-то явно посторонних людей лучше было бы удалить, а то голова не вмещает, но без особой надежды. Покиньте, пожалуйста, голову!

И этот душный запах... бумаги и деревянных скамей с тёмно-коричневым лаком и что-то совсем приторное на бархатных коралловых портьерах... Снова раздался звонок, и в зал влетел судья. Им оказался мистер Карфаген: все так и знали, что он вёл двойную жизнь. Присутствующие сразу засуетились и стали поправлять элементы.

– Сию же минуту! – вопил Карфаген, – начинаем!

Акомпаниатор заиграл лирический вальс и в зал внесли кресло. (Миранда желала сидеть в своем кресле. В этой просьбе подсудимой не могли отказать.)

– Подсудимая, сядьте!

– Ваше сиюминутшество, почему нет присяжных? – волновался адвокат, – боюсь выйдет очень субъективный процесс.

– Но суд присяжных появился только после Великой Французской революции, – заметила Миранда. К тому же тут

на их скамье развалился какой-то, извините за выражение, жирный кот. Ну и что! – ответила на свое собственное замечание Миранда, – Почему это не может зазвонить как мой телефон?

При мысли о телефоне Миранду потянуло на прохладную траву, но её вернули:

– Это не телефон, а будильник, – сказал кот не раскрывая рта, и загадочно улыбнулся, открыв таким образом страшную тайну, но не проболтавшись.

Было объявлено начало заседания. Прокурор, похожий на измученного поэта, что-то писал и время от времени поднимал на подсудимую томные очи. Все это было довольно странно, если бы не было так.

– Зачем вы убили Железного рыцаря? – наконец изрек он, когда все уже перестали выдерживать его органическое молчание.

– Зачем я убила Железного рыцаря? Не знаю, там было темно. Дайте подумать... Нет, так не возможно думать, когда играет этот дурацкий вальс. – Миранда недовольно оглянулась на аккомпаниатора. – Зачем я убила Железного...

– Прошу поторопиться. Через несколько минут убьют изобретателя Ивана Сёмина.

– Протестую! – закричала Миранда, – как вы смеете убивать в параллельных реальностях?! Это противоречит!

– Противоречит чему? – спросил прокурор, – Тут должно быть как минимум какое-то дополнение.

Музыка смолкла, и в зале воцарилась страшная тишина. Миранда недовольно оглянулась на аккомпаниатора.

– Что вы хотели сказать? Что-то самое важное, – настаивал прокурор. Он смял листок бумаги и кинув комочек угодил Миранде по голове. Миранда айкнула, подобрала бумажку, и развернув прочитала: «ПРИЗНАЙТЕСЬ».

– Я хотела признаться, но всё оказалось намного сложнее. Да, она хотела признаться, она для этого пошла на испытания, она для этого бежала на корабль, она для этого ещё и не это... но где вся её решительность?!

Не получив ни малейшей отдачи Миранда начала сомневаться. Ей вдруг представилась какая-то старость и не то паутина, не то рутина и ещё не весть что на немых стаканах и последнее прости за волос в супе ...и ни малейшей.

– Мне очень жаль: за какими-то мелочами вы потеряли главное, – прокурор заплакал и хотел было удалиться из зала суда, но тут ввели свидетеля. (Почему именно Теремухин? Мне он никогда не нравился.)

– Свидетель, вы желаете поведать нам каким образом пострадавший потерял голову?

– Протестую... – нерешительно произнёс адвокат и поднял вверх карандаш, – Не голову, а доспехи головной части. – Он не писал и не рисовал, и было не понятно, зачем ему вообще карандаш.

– Спасибо, это очень многозначительно с вашей стороны! – Миранда с надеждой посмотрела на адвоката, но тут же

снова понурилась. – Или это только ваша работа? Кто-нибудь может сказать хоть что-то от чистого сердца?!

– Сейчас, сейчас... – адвокат ёрзал, грыз карандаш, но как ни силился, выходила только какая-то штриховка с наклоном влево. – Ми... миранда очень отважная, ...как впрочем это было ясно из её чудесного имени, – лепетал он. Но тут наконец, подал голос свидетель. Афанасий Юрьевич был немного ошарашен судебной обстановкой: он пригладил свои немногочисленные волосы более подходящим образом и засвидетельствовал:

– Мне, как научному сотруднику, конечно трудно осмыслить этот факт, но я вынужден признать очевидное: пострадавший потерял голову от любви.

– От любви? Вы уверены? – удивился судья Карфаген, – насколько нам известно, пострадавший имел надёжные доспехи. И только очень хитрая стратегия могла...

– От любви?... – выдохнула Миранда.

– От любви? – переглянулись все.

Эти простые слова запустили механизм мозгового хаоса, аккомпаниатор заиграл долгожданный регтайм, и всё дальнейшее было сложно протоколировать: все толкались и кидались мятыми бумажками, самые активные выкрикивали какие-то недосказанности. Воспользовавшись суматохой, Миранда поспешила к выходу. В проходе прокурор всё же успел сунуть ей в руку бумажку. «ОН ЖДЁТ ТЕБЯ В ЗАМКЕ» – было написано там, и Миранда сильно зажмуриив глаза стала

представлять себе путь.

– Пойдите! Алиса из страны чудес вам ещё спасибо скажет! – кричала французская королева конца 18-го века в последнем ряду, постепенно удаляясь в общую трубу. А Миранда всё бежала и бежала: лаборатория, километровый коридор, морская свобода и снова таинственный средневековый сад.

7. Узник донжона

Быть одному это тяжело, и, вместе с тем, легко и привычно. Быть одному, это значит иметь чудесную компанию в виде себя самого: будь то хвастливый попугай, засохший созерцатель копья или средневековый киборг. Но это – самодостаточная личность, и никто не хочет, чтобы какая-то девчонка вторгалась в совершенный мир и пинала тут всё своими лаковыми туфельками и переставляла с места на место нелепыми капризами. Самое главное – вовремя это понять и пресечь. Сэмюэл забрался в библиотеку, которая находилась на самой верхушке донжона. Он перебирал книги и вытирал пыль на полках. В его бокале темнела марсала, а бархатные грозди заката старались скрасить серые стены башни. Пусть расставание тяжело, пусть сердце так и рвётся... Он подошёл к окну и посмотрел вниз на жемчужную дорожку ведущую в замок, потом вздохнул, приставил к шкафу стремянку, поднялся на несколько ступенек и взял с верхней полки томик в бархатной зелёной обложке. Усевшись в кресло изобретатель стал листать испещрённые пером страницы, его взгляд при этом приближался к потолку. Конечно, дальнейшая жизнь, жизнь после смерти, не может привязываться к каким-то романтическим идеалам. Ведь это его второй шанс. Он изобретатель в таком мире, где возможности настолько безграничны, что можно творить и творить. Вот пря-

мо сейчас он начнет изобретать что-то... такое... такое... он вернул взгляд к книге... зелёное... Сэмюэл бросил томик на стол, встал и снова глянул в окно.

Такое часто случается, что противоположные люди сильно притягиваются, происходит столкновение, и тогда каждый летит в свою противоположность, надеясь найти там привычное одиночество. Но выдержать его оказывается не по силам, потому что одиночество любящего сердца поразительно удваивается. Вот наш гений стоит у окна и беспокойно барабанит пальцами по подоконнику. У него должно быть столько грандиозных планов, столько манящих открытий и изобретений, что... это мелькнувшее голубое платье в листве сада было совсем некстати!

Миранда подбиралась к замку. О том как она перелезла через высокую стену окружавшую сад, не будем здесь говорить, потому что в таком изысканном наряде это совсем нелитературно. Она стряхнула сухие листья приставшие к её кружевам и пошла по дорожке, ведущей к фонтану. Многие цветы сада завяли, и вообще, тут было просто необходимо навести порядок. Каблучки туфель по прежнему проваливались в жемчуг, но наша Миранда шла так уверенно. Вымыв руки, она поправила причёску и, подойдя к дверям замка, решительно дёрнула ручку.

Интересно, что когда мужчины хотят, то двери так и машут приветствием, а когда случается экстренная блокировка, то попасть в замок не представляется возможным...

От досады Миранда начала ходить взад и вперёд и разводить руками.

Сверху она выглядела очень мило и безобидно. Вот это, пожалуй, самый подходящий ракурс и дистанция. Сэмюэл взял бокал и сделал несколько спокойных глотков. Его Миранда, его ненаглядная Миранда была здесь в таком подходящем для неё месте. И всё было чудесно: и то как она подставляет руку под струю фонтана, и то как возмущённо складывает руки на груди, и то как садится на траву, подобрав подол платья, и то как кладёт голову на колени... И вот солнце совсем скрылось за горизонтом, бокал был пуст, а сердце полно тёплого чувства. Сэмюэлу захотелось непременно заключить Миранду в свои объятия и кружить, кружить... Он подозрительно покосился на почти ещё полную бутылку марсалы. Какие странные чувства, совершенно ненормальные чувства мужчины к женщине.

В далёком прошлом у изобретателя был роман с одной баронессой (из детекторного отдела. Кажется, Жозефиной... или лучше Зигмундиной). Это была необыкновенно умная дама, уравновешенная с изысканными манерами. Она вызывала в его ещё совсем молодом сердце чувство уверенности и благополучия своими рассудительными речами и поступками, и особенно тем, что никогда не смеялась, а только легонько разводила сомкнутые губы в строгой улыбке. Сэмюэл высоко ценил в женщинах этот дар. И он любил её... её сдержанность. Их отношения развивались планомерно. Они

никуда не торопились и терпеливо познавали друг друга. И так же планомерно оба начали чувствовать, что их любовь, достигнув определенного предела, стала угасать. Сначала досада и раздражение от пусть незначительного, но все же несоответствия характеров. Дальше упрёки и оправдания, и наконец тихое, но болезненное расставание.

С Мирандой же было совершенно непонятно где начало, и где конец всему этому безрассудству, и к чему приведут яркие и столь травмирующие вспышки соприкосновений! Потерять голову в самом начале это видимо, было в порядке вещей. И никогда нельзя быть уверенным, что в следующий миг не сорвёшься и не помчишься по узким ступенькам винтовой лестницы вниз, чтобы кинуться к её ногам!

Сэмюэл бежал и спотыкался, бежал и сомневался, бежал и боялся, что Миранды в саду не окажется, бежал и ругал себя, что не спустился сразу же как только заметил голубое мелькание, бежал и молился, чтобы она дождалась его, бежал, казалось целую вечность, и внизу это был уже совсем другой человек, столько потерявший и столько приобретший. И вот, распахнув дверь, он вырвался в сад. Ночная прохлада хлынула в его лёгкие и чувства. Он сделал несколько вдохов про запас и пошёл к фонтану.

Его любимая лежала на земле и смотрела в небо. Сэмюэл потихоньку устроился рядом. Волосы Миранды разметались по искристо-платиновой траве, а милое личико выражало лёгкую тревогу, через которую всё же просвечивала без-

мятежность.

– Это твоё созвездие? Наверное, я не должна его знать... – Миранда оторвала взгляд от звёзд и повернула голову в сторону Сэмюэла, который сидел возле неё на прохладной траве.

– Сейчас зазвонит телефон и мы проснёмся, или изменимся, или что-то произойдет...

– Я не верю в телефоны... и в будильники. Сейчас XVII век, – Миранда засмеялась, а Сэмюэл чуть дышал. Он боялся нарушать её личное пространство, но то, что он чувствовал было полной гармонией, и ни о каких нарушениях, кажется, не могло быть и речи. Мгновенье длилось и длилось, приобретая такое стойкое звучание, как долгий целительный сон. Это та самая ночь, которую ждёшь всю жизнь. А если не ждёшь, то только потому что думаешь, что таких не бывает. Небо было тёмно-зелёным с фиолетовой тайной. Воздух спускаясь, переливался из трелей фонтана в шелест листвы и обратно в небеса. По-истине прекрасная ночь – какая награда за все муки любви, какая награда!

– Ты получил мой подарок? Я послала тебе бандероль, – спросила Миранда, когда больше было нечего скрывать.

– Я не успел, но я знаю, что в ней было: там был шанс на другую жизнь.

– Для нас другая жизнь может быть в этом мире. Потому что я люблю тебя. Теперь я точно знаю, что это самое важное, – Миранда протянула к Сэмюэлу руки... любить друг

друга как самое важное... и он хотел любить Миранду, но тогда обратного пути уже не будет.

8. Обратный путь

Утро. Туман. Жуткий туман. Галеон плыл по волнам по встречному ветру. Паруса упрямылись, но какая-то неведомая сила несла Да Винчи в определенном направлении. Со стола каюты покотившись упал карандаш. Миранда проснулась и повернулась на постели. Рядом лежал Сэмюэл и обнимал одеяло. Какие-то смутные глазомеры интерьера... хотя так темно, что можно ещё поспать. Она потянулась, обняла Сэмюэла, и вдруг чёткая мысль: кто взял управление? Миранда скинула одеяло и села, потом со словами «странно-странно» стала одевать тапочки. Корабль явно набирал скорость. Его качало из стороны в сторону и всё время что-то падало. Капитан тоже проснулся и зажёл лампу.

– Если ты отвернёшься, то я оденусь и посмотрю, что происходит, – сказал он. Миранда с распущенными волосами и в белой сорочке собирала с пола книги и карты.

– Я не смотрю! – ответила она и полезла под стол доставать закатившуюся карту.

Капитан не планировал отправляться в плавание, и то, что галеон шёл на полном ходу, ему казалось странным даже после ночи с Мирандой. Он быстро оделся и вышел из каюты. Миранда тоже выглянула.

– В той стороне опасные рифы, – заволновался Сэмюэл. Фигуру у штурвала невозможно разобрать. Похоже, это

старик в странном одеянии из грубых шкур. Капюшон скрывал его голову, но Сэмюэл вдруг радостно поднял руки:

– О этого старика я хорошо знаю! Это хранитель Солер. Давай подойдем, я познакомлю тебя с ним.

Корабль сильно качало плохими предчувствиями: и этот сырой ветер, и рифы впереди... Миранда завернулась в плед и поспешила за капитаном. А встреча с хранителем – всё опять становится непонятно. Хорошо, что под рукой нет никаких убойных предметов, подумала она, предусмотрительно озираясь. Миранда вежливо поздоровалась со стариком и заметила, что его возраст имел некоторую неопределенность: его подчеркивал посох и перечеркивали торчавшие из сумы книга и флейта.

Капитан пригласил старого знакомого в каюту. Тот сел на табурет, снял капюшон и, прикрыв глаза, начал проникаться теплом и уютom. У хранителя была способность питаться атмосферой интерьера. Капитан ходил вокруг него и напряжённо думал. Он столько всего хотел обсудить. Впервые свою дальнейшую жизнь с Мирандой: на каких правах это возможно, и что их ждёт. А так же свою деятельность в качестве изобретателя. Он радовался, что наконец всё решится, ведь не зря же хранитель сам пожаловал к ним. Сэмюэл был полон планов и надежд и не мог мыслить трезво. Миранда же напротив предвкушала нежелательный поворот событий. Сославшись на неодетость, она скрылась где-то в дальнем углу и от туда наблюдала за стариком. Одев,

наконец, своё голубое платье и изумительно собрав волосы, она вышла к остальным и села в свое кресло. Сейчас было логично предложить гостю чай, но она еще не сложила в уме какие-то кубики. А когда капитан угощал хранителя тостами с вареньем, не отрывала глаз от странной сумы и думала только о том, как бы незаметно взять от туда книгу и посмотреть о чём она.

– Кажется, туман рассеялся. Пойдемте полюбуемся восходом – хранитель встал и пошёл к выходу, – я недавно в этих краях, говорят, здесь чудесное солнце.

Пусть Солер с Мирандой пойдут, а капитану как раз нужно всё обдумать в спокойной обстановке. А заодно просмотреть карты и проследить весь этот неожиданный маршрут.

Миранда последний раз посмотрела на своего Сэмюэла и последовала за хранителем. Выйдя из каюты, она оперлась о перила и, повернувшись к восходу спиной, стала разглядывать старика. Солер действительно любовался солнцем, первые лучи которого играли на его морщинках и дрожали в зрачках. Хранитель блаженно застыл и впитывал яркие впечатления, но недолго, потому что:

– Сэмюэл назвал вас хранителем, но признайтесь, вы – поэт! Вы не очень-то похожи на охранника. – Миранда иногда говорила так быстро. Хранитель слегка нахмурился и хотел покачать головой, но она уже начала обсыпать его другими вопросами из разряда тех, что выступают занавесом перед истинными мыслями. – Вас не укачивает когда корабль плы-

вет не туда куда хотелось бы? Меня кажется укачало и тут я ещё подумала, что вы, должно быть, пишете про нас стихи...

С этими словами Миранда неожиданно вытащила из сумы старика торчавшую книгу, и быстро открыв её, начала читать. Но она успела прочесть только одну строчку в самом конце, которая сразу попала ей на глаза: «ПЕРЕПРАВА СЭМА ПОЧТИ ЗАВЕРШЕНА, А МИРАНДА ДОЛЖНА ВЕРНУТЬСЯ», потому что хранитель выдернул книжку из её рук, да так резко, что Миранда покачнулась, взмахнула руками и вывалилась за борт. Пролетев несколько метров и уловив краешек восхитительного восхода, она упала в воду и стала тонуть. Вода была очень холодная и Миранде стало немного не по себе. Опускаясь на дно, она изрекала какие-то булькающие афоризмы, но тут же забывала их. Глубина всё поглощала её и поглощала, и она всё опускалась и опускалась. Коснувшись песчаного дна она ощутила электрический разряд, ещё разряд, и вдруг почувствовала тепло в голове и сердце, и внешнее стремление повлекло её наружу.

Сэмюэл в странном предчувствии выскочил из каюты. Ни Миранды ни хранителя на палубе не было. ...Хотя, это уже не палуба роскошного галеона, а небольшой потемневший паром, который со скрипом приближался к пристани. Старик паромщик протянул к капитану сухощавую руку, желая получить плату за переправу. Сэм растеряно сунул ему золотую монету, и посмотрел на берег. Перед ним открылся вид на прекрасную райскую страну: на холмах раскинулись сады

и лужайки, а жилые домики образовывали уютные улочки, по которым наверное вскоре захочется пройтись. Кажется, звучала музыка или это просто такой ветер или местное настроение. Изобретатель сошёл на берег. Навстречу шли люди в белых одеждах и приветствовали его. И каждый был близок и все вместе. Они говорили. Их речи были полны той возвышенной учёности, которая достигая некоторого предела понимания, ... уходит в трансцендентный беспредел.

И это только на самом деле отчаянно далеко. Но может быть видно как через стекло и в ту и в другую сторону. Мария Александровна Чуднова сидела в своём кабинете и смотрела в окно. Ей ещё не позволяли приступать к работе, но выздороветь дома было просто невыносимо. Рядом сидела Людмила Леонидовна и делилась последними новостями. Оказывается, в Типогоне произошли поразительные перемены: кроме того, что коридоры центра были перекрашены в жёлтый цвет, а первые четыре этажа отданы под художественные и театральные студии для детей, Теремухин наконец что-то изобрёл. А именно: съедобные карандаши для детей, а также трафареты для мыльных пузырей. И, наконец, самое главное, что она скоро будет не Шкрябой, а Те-ре-му-у-ухиной! т. к. Афанасий Юрьевич сделал ей предложение. Людмила Леонидовна вконец растрепала свою челку и зачитала строчки собственного сочинения:

Всё что в душе твоей во взгляде мне передаётся.

Не нужно никуда идти, мы нашли то, что счастьем зовётся.

Но что будет дальше? Без апельсинов, кружев и бантиков?

Что будет с нами после того, как исчезнет романтика?

И что делать, если ту обречённость нам не изменить?

Как после сказки и волшебства среди бытовухи жить?

Только не стала бы любовь жертвою обстоятельств,

Но когда сомневаешься, так хочется доказательств.

Если есть где огонёк зажжённый от сердец двух,

То нужно сделать всё, что возможно, чтобы он не потух.

В этом заключается искусство любить, чтоб любовь не остыла.

Никогда нельзя забывать того, что между нами было.

Мария улыбнулась. Обрадованная этим Шкряба выско-
чила из кабинета и побежала в буфет принести Марии стака-
н апельсинового сока. «Волшебная сила искусства, волшебная!» Чуднова осталась одна. За окном падал снег, гори-
зонтальной стеной ложась на все её недавние приключения
и мечты. Мария не плакала, ведь всё было так хорошо, а если
нет, то она всё равно что-нибудь выдумает.

P.S. Выбор композиции. План «Б»

Ну вот, вроде бы всё на своих местах. И читатель думает,
что это хороший сюжет, он доволен, потому что почти с точ-
ностью предсказал его, когда прочитал название. Да, у Семьи-

на тоже всё хорошо, он востребован и высоко ценим среди своих. Он приносит пользу здешнему миру, а так же посылает на землю творческие импульсы. Но он не забывает и о своей возлюбленной. Вот как раз сейчас он сидит на берегу и думает о ней. Он часто выходит на берег и сидит тут. Ведь он любит Миранду, как самое важное. Конечно, это немного грустно. Но это светлая грусть. И она рождает хорошие преобразующие мысли. Ведь это вам ни скучный сотрудник Типогона, а великий изобретатель Сэмюэл Ле Гранд, который навсегда останется в наших сердцах!

...Стоп. Но ведь осталось одно незавершённое дело: он так и не узнал, что подарила ему Миранда. Бандероль всё еще лежит на почте. И что, по-вашему это можно так оставить? На почте непременно возникнут проблемы. Это же надо писать повторные извещения, пока они там наконец ни догадаются, что человек умер.

Да, Сёмин мертв. Заметьте – это очень важная веха биографии. Настолько важная, что нужно иметь веские основания для того, чтобы так написать. И порой очень трудно это сделать... Но, заметьте, смерть не имеет величия, она всего лишь напоминает нам о важных вещах. О самых важных. А всё мелкое уходит на задний план и мелькает где-то там внизу.

Ангел-хранитель Солер – прекрасный юноша в белых одеяниях сидел на крыше Типогона и сгребал босой ногой снег. Вот он смахнул его, и великолепный искристýй салют ри-

нулся вниз, сливаясь с общим потоком снежинок, на которые смотрела из окна Чуднова. Хранитель писал в своей книге, но пальцы не слушались его, но скорее не от холода – всё дело в любви. Неужели в данном случае ничто не могло помешать тёмной тени, преследующей людей всю жизнь. Пусть этот случай заурядный, но это же история любви, и смерть могла бы отступить. Солер быстро-быстро перелистывал свои записи. Неужели в тот роковой полдень по Тёмному переулку не могла идти, скажем, какая-нибудь знакомая Ивана Романовича... престарелая госпожа Сундукова, и для Сёмина следование по переулку грозило бы неприятной встречей. Идти всё время сзади, означало бы плестись невероятно медленно, а обогнать её – вызвать неминуемую встречу. Сёмин конечно мог бы сделать вид, что он не узнал Сундукову, но уж она бы точно его узнала и окрикнула своим скрипучим голосом: «Иван Романыч, куда это ты так спешишь, голубчик?!» Не-ет! Этого позорного тыканья Сёмин никак не мог стерпеть и повернул на Почтовую улицу.

...Но всё это похоже на бессмысленное метание сюжета. Хранитель вырвал и бросил от себя лист бумаги. Единственно верным может быть только то, что было на самом деле. Потому что у людей, извините за выражение, должна быть совесть. И именно она является замерщиком композиции, а не какая-то престарелая госпожа Сундукова, которую кому-то пришлось в голову вытащить из дома для сомнительных литературных экспериментов!

Солер начал новый лист. Теперь он писал безо всяких сомнений, а солнечные лучи так и играли на его бронзовых волосах.

От нахлынувших размышлений Марию отвлекла вошедшая в кабинет уборщица Тамара Ильинична. Она катила перед собой каталку с сан-инвентарём и мычала какую-то нехитрую мелодию.

– Мирия Александровна, как вы себя чувствуете... в такой духоте-то? – она открыла форточку, потом достала распылитель и стала опрыскивать цветы, – Слыхали, очнулся-то наш Иван Романыч, в себя приходит, поправляется. А все благодаря Афанасию Юричу, если бы он вовремя на помощь не позвал...

– Что... – не веря своим ушам Мария Чуднова выбежала из кабинета. Светлые стены обновлённого Типогона указывали ей путь: вперед, вперед, крутой поворот и дальше навстречу любви!

Выписавшись из больницы, Сёмин сразу отправился на почту. Получив бандероль он решил открыть её прямо в почтовом отделении, зачем тянуть? Отойдя в укромный уголок Сёмин разрезал бечёвку, развернул бумагу и достал... перчатку. Свою вторую перчатку.

Но такого не бывает! Не бывает, но может быть.

Изобретатель-2.

В поисках апельсина

Вступление

Она выходит из дома и идёт по направлению к парку, потому что дальше так жить невозможно или одиноко или она просто такая несчастная женщина. Она заходит в парк и бегло осматривает его ландшафт. А мы осматриваем её: да, всё та же аристократическая грация, но прекрасные каштановые волосы урезаны в каре, а романтический стиль одежды вытеснился не совсем модного покроя джинсами и свободным свитером. Почему она пошла в парк одна? Уже поздно, вечер, не надо, муж будет волноваться: в парках бывают маньяки. Хорошо, там она видит своего мужа, и делает вид, что не видит, потому что он не очень-то похож... на маньяка. Но он машет ей рукой, а сам косвенно думает о том, сколько они прожили вместе, и чего она теперь на это скажет. Она хотела возмутиться от своего возраста, но в парках так не делают.

Почему она такая вредная, ... а ветер всё равно шумит в ветвях, и это парковое настроение – ничто не может унять его романтику во веки веков.

Она сейчас уже почти присядет на скамеечку, и можно будет что-то изменить в отношениях или просто пережить ещё один вечер. Он поправляет очки, и пуговицу на пальто и опять очки: он не знает куда деть руки. Затеял сам не зная что. Как обычно. Очень затянувшаяся пауза – пора бы уже заговорить.

– Можно присесть и познакомиться с Вами? И не смотрите на меня так, как будто бы Вы сами не предложили познакомиться, раз уж я села, – раздраженно сказала женщина 39 летнего возраста, присаживаясь на скамейку возле своего мужа, – Что Вы обо всём этом думаете? Вот первое впечатление такое, что Вы не воспринимаете меня всерьёз. И как мне теперь уйти, пока не доказала Вам обратное? – выпалила она и уставилась на мужа своими карими глазами.

– Изобретатель. Очень приятно.

– Вы не вовремя сказали «очень приятно», – она надулась, и забравшись на скамейку с ногами, уселась на спинку, как это делают подростки. От туда ей было хорошо видно макушку мужа.

– Если честно, я никогда не знакомился, – муж оглянулся по сторонам, оценивая масштабы мероприятия. Парк был почти пуст: по аллее где-то вдалеке прогуливалась парочка пожилых супругов.

– Ну а Вы бы хотели познакомиться? Не со мной конечно, я уж не до такой степени развязна, – жена махала в воздухе ногой, чуть не задевая пальто мужа, – У Вас же есть какой-то

идеал? Вы что думаете, я буду ему соответствовать?

– Как можно Вас запихнуть в какие-то рамки? – муж посмотрел на ботинки собеседницы и почувствовал лёгкое умиротворение, – Мы свободны и можем просто любить...

– Да, я это уже слышала, – она спрыгнула с лавки и стала ходить взад-вперед активно жестикулируя, – Думаете, Вы из меня домоседку сделаете? А что у нас на ужин? Скука? А можно я тогда без ужина? Или Вы думаете, что сказали мне о любви, и я сразу всё поняла?

– Мне тоже трудно говорить о любви, но я не знаю как ещё поднять вам настроение...

– А Вы вообще уверены, что надо его поднимать? Мне сейчас хочется побыть несчастной, – жена дёргает спинку скамейки, – Такие качельки... кажется из фильма Тарковского... Они так хорошо скрипят: как будто вот-вот развалятся.

Жена бешено раскачивает скамейку, а муж озирается, опасаясь, что их может кто-то увидеть.

А мы уже смотрим на шумящую осеннюю листву и выше... выше... в вечернее небо, где скоро проснутся звёзды, и думаем о том, что это ещё не критично. Это нормальная романтика брака с 14 летним стажем.

Но дальше всё пошло развиваться совсем в другую сторону. И виной тому новое изобретение.

1. Няяма

Каждый входит в Няяму по-своему: муж казалось бы, в разгаре серьёзных размышлений на вращающемся кресле медленно, делая предварительные окружные движения, наконец, въезжает в неё и словно даже не замечает, как погружается в мир совершенно других ощущений; жена обычно в приступе отчаяния, рассуждая на ходу о всеобщей несправедливости или о своей головной боли, запустив пальцы в волосы и, коснувшись экрана, слегка запрокидывает голову; а малыш Михей с разбегу ныряет, и Няяма тут же окрашивается в разноцветные круги. Характерный впитывающий звук, и снова гладкий экран с заставкой «звёздное небо».

Сёмин часто выходит к заливу, где когда-то беседовал с хранителем и подолгу сидит на берегу. И то неповторимое пересыпание песка вечности и структурированная мелодия флейты – это то, что может привести в порядок его психику, расшатанную постоянными современными стрессами.

Мария Александровна тоже часто отправляется в тот тропический лес, где когда-то имела столько приключений со своим капитаном, ... но теперь одной лазить по деревьям уже не хочется, а хочется не пойми чего, и возраст уже вообще не тот. Но та романтика, что ещё теплится в её душе находится именно в том лесу и прекрасном саду с бронзовым фонтаном.

Куда любил отправляться их единственный сын Михай, никто не знал.

Как вскоре выяснилось, у Нямы есть побочные эффекты: когда женщина пребывает в созерцательном одиночестве, может всплыть какой-нибудь Петраков. Петраковым может стать любой, даже Петраков. Хоть это и довольно странный киносубъект, далекий от стандартного выражения: нельзя сказать, что он есть, но и нельзя этого так оставлять. Он обаятелен и болтлив вашими мыслями, и это очень импонирует, а его выражение лица меняющееся в зависимости от вашего настроения, просто неотразимо. Но сидеть с ним у священного фонтана, это уже недопустимо. Прогнать Петракова помогают, как ни странно, инсектицидные средства. Вот к примеру, вы выходите в сад поплакать о своей молодости, и вдруг заметили, что какой-нибудь Петраков притаился за кустом и так сексопильно курит сигарету, или читает сборник повестей, скажем, Анны Манны. Незаметно подойдите к нему сзади, а потом резко выскочите и пшикните ему в лицо спреем от комаров. От такого замечательного средства он улетит как недодутый воздушный шарик со звуком «прррр». Хотя можно и вовсе предотвратить всплывание Петракова, но это уже следующий уровень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.